

ФАЛЬКЛОР І ЭТНАЛОГІЯ

Александр Морозов

МЕНТАЛЬНЫЙ УРОВЕНЬ ВЗАИМОДЕЙСТВИЯ УСТНО-ПОЭТИЧЕСКОГО ТВОРЧЕСТВА ВОСТОЧНЫХ СЛАВЯН: ЭПИЧЕСКИЕ, ЛИРО-ЭПИЧЕСКИЕ И ЛИРИЧЕСКИЕ ЖАНРЫ ФОЛЬКЛОРА

Белорусское устно-поэтическое народное творчество постоянно взаимодействует с русским и украинским фольклором на различных уровнях: функциональном, структурно-семиотическом, аксиологическом, сюжетно-образном, стилистическом, ментальном.

Постановка проблемы исследования ментального уровня взаимодействия устно-поэтического творчества наших народов – закономерный результат научных разысканий фольклористов. Как нами было показано в монографии «Историография русской фольклористики. 1917 – 1941» [7, 29-34], предпринятое еще в 20-30-е годы XX века исследование раннетрадиционного фольклора и его связей с древними мировоззренческими структурами имеет не только фольклористическое, но и общенаучное значение. Первобытная ментальность остается одной из постоянных структур человеческой природы. Поэтому всестороннее исследование современных духовных процессов невозможно без постижения фундаментальных основ фольклорной традиции, начиная с самых ранних её форм.

Многообразные фольклорные тексты впитали в себя выработанные традиционной народной культурой стереотипные способы видения и оценки мира, тот «ментальный инструментарий», которым пользовалась основная масса людей на протяжении столетий. Фольклор, понимаемый не «музейно» (в качестве собрания достижений прошлого), а как свидетельство социальной сущности народов, является неоценимым источником познания как исторического наследия, так и современных политических и культурных процессов, проходящих в постсоветских странах.

Ментальность служит основой функционирования устойчивой системы стереотипизированных представлений, ценностей и смыслов, укорененной на бессознательном уровне и проявляющейся в жизнедеятельности многих поколений людей, которые принадлежат к конкретной историко-культурной общности.

Социальные, философские, этические, бытовые и эстетические взгляды белорусского, русского и украинского народов особенно отчетливо закреплены во внеобрядовой поэзии, которая в историко-культурных условиях XIX века выходит на ведущие позиции в общей структуре видов и жанров традиционного устно-поэтического творчества.

Наряду с жесткой крепостнической зависимостью крестьянина феодального строя существует относительная раскрепощенность его творчества в глубоко демократичной по своей сути социально-песенной лирике. Процесс осознания смысла человеческого существования проходил в непрерывной и драматической борьбе против социального зла, насилия и угнетения. Вместе с тем, к пониманию идейного содержания и ментальных установок песенного народного творчества необходимо подходить исторически в том смысле, что оно отражало мировоззрение народа определенного периода со всеми положительными и отрицательными его сторонами. Идейно-художественное содержание традиционных устно-поэтических произведений важно оценивать с учетом развития общества, времени их бытования и выявлять элементы стихийности, непоследовательности, ограниченности сознания их авторов, проявляющейся иногда разрушительной борьбы против существующих порядков без достаточно полного и осознанного понимания основ «новой» жизни, конечного результата этой борьбы. Кроме того, методологически важно исследовать ментальные установки коллективного творца в устной поэзии восточных славян XIX-XX вв. в сравнительном плане – с учетом ментальных установок восточных славян в эпическом и лиро-эпическом творчестве. Как справедливо отметил В. М. Гацак, «из преемств и различий (внутри одной эпической традиции и между разными формациями эпоса) и складывается историческая поэтика как сквозной объединяющий аспект и художественное «исчисление» движения эпоса во времени». Задача сравнительного изучения эпоса и социально-песенной лирики имеет общемофольклористическое значение: «представляется принципиально важным осмыслить как существеннейший водораздел в художественной истории фольклора переход от мифологизирующей поэтики к поэтике демифологизированной. Исследования показывают, что диалектичность этого перехода становится определяющей для всей системы фольклорных жанров» [3, 3].

Научной идеей проведенного исследования является сравнительный анализ эпоса, лиро-эпоса и внеобрядовой лирики восточных славян с точки зрения проявлений в них относительно целостной совокупности эмоций, идей и представлений, которая создает картину мира и закрепляет единство культурной традиции восточных славян на протяжении столетий. Безусловно, в

небольшой по объему статье нельзя рассмотреть во всей полноте и сложности заложенные в фольклоре ментальные установки коллективного автора эпоса и внеобрядовой лирики. Вместе с тем, представляется особенно важным осветить основные ментальные характеристики коллективного творца устно-поэтических произведений с целью определения механизма формирования и передачи сущностных (в том числе и аксиологических) основ национальной культуры и этнического стереотипа. Разработка проблемы исследования фольклора в качестве источника познания ментальностей направлена против вульгаризации и дегуманизации истории восточнославянских народов. В свою очередь, идентификация ментальностей позволяет глубже охарактеризовать социокультурную среду, в которой создавались и бытовали самые разнообразные по жанрам и тематике фольклорные произведения.

Наиболее ярким воплощением русского эпического творчества являются былины. Социальная действительность является не основным источником художественного произведения, а лишь одним из факторов, влияющих на их традиционный композиционно-сюжетный состав. Конкретный историзм не характерен для былин: социальный опыт народа преобразуется в духе эпической эстетики и ментальных установок коллективного творца. Конкретно-событийная основа может быть идентифицирована главным образом во второстепенных деталях былинного сюжета. Основным устойчивым стереотипом универсального характера, который проявился в былинном творчестве, является эффект «мифологической персонафикации истории»: как и в прозаических жанрах фольклора, изображаемое пространство раздроблено, представляя собой совокупность отдельных локусов, атрибутивно связанных с деяниями конкретного героя. Налицо стремление объяснить главные достижения первооснов национальной истории деятельностью былинных богатырей, которые выполняют функцию «культурных героев» и в цикле Киевских былин олицетворяют воинскую мощь Древней Руси (Илья Муромец, Добрыня Никитич, Адеша Попович).

Характеризуя «эпическое время» былин, Д. С. Лихачев говорит: «Эта «эпическая эпоха» – некая идеальная «старина», не имеющая непосредственных переходов к новому времени. В эту эпоху вечно княжит князь Владимир, вечно живут богатыри, происходит множество событий. Это, в отличие от сказочного времени, история, но история, не связанная переходами с другими эпохами, как бы занимающая «островное» положение» [6, 228]. Подобная оценка указывает на важнейшую ментальную характеристику, запечатленную в былинном творчестве, – поиск социального идеала («золотого века») в историческом прошлом: традиции созданы предками, и идея «золотого века» неотделима от мировоззренческих установок общества, основанного на устойчивых родовых связях.

Если былинный эпос создает существовавший эталон совершенства, идеальное общество, социальная цель или функция которого – сравнение идеала с настоящим, то исторические песни посвящены конкретным событиям

и реальным лицам русской истории, в них отражаются ментальные установки, свойственные более поздним культурно-историческим эпохам.

Известно более 600 сюжетов русских исторических песен. Многие из них разрабатывают тему священной борьбы с внешними и внутренними врагами, сначала за объединение земель вокруг Москвы, а с XVIII века – прославления подвига воинов и гордости за ратные подвиги, достигнутые мощной Российской державой (наиболее показательны в этом смысле циклы песен о Петровском времени и об Отечественной войне 1812 года). В таких поздних исторических песнях, описывающих военные успехи и расширение территории Российской империи, начинают проявляться идеи русского мессианства.

Эпическое творчество украинцев представлено думами, балладами, духовными стихами, историческими песнями и распространенными на западе Украины збойничкими песнями [4]. Ментальные характеристики украинского эпоса прежде всего исходят из установки на борьбу за национальную независимость и государственность Украины. Свободолюбивые устремления украинцев наиболее полно выражены в циклах героических дум о казаке Голоте, Самойле Кишке, атамане Матяше Старом, в исторических песнях, героями которых являются Байда, Нечай, Морозенко, Сирко, а также в опришниковском эпосе, объединенном вокруг фигуры Олексы Довбуша.

Классические эпические формы поэзии на Беларуси не получили широкого распространения, за исключением отмеченных незначительным числом записей отдельных произведений типа русских былин и ранних исторических песен (опубликованы в сборнике «Белорусский эпос» под редакцией П. Ф. Глебки и И. В. Гуторова [2]). Собственно белорусское эпическое творчество представлено по существу тремя песенными жанрами: духовными стихами, поздними историческими песнями и наиболее оригинальными по составу и идейно-художественной направленности балладами.

Баллады органически вобрала в себя характерные черты обрядовой поэзии и опыты фольклорного отражения реального мира при имущественно-классовом переделе общества. В архаически-монотонную крестьянскую жизнь, веками расписанную по своеобразному плану – земледельческому календарю, врываются социальные потрясения феодальной эпохи. Художественным средством показа сложившегося конфликтного неблагополучия и напряжения служит прямая антитеза: герои открыто сталкиваются, они трагически непримиримы. Как правило, кульминацией баллады становится гибель героя, надленного добрыми чертами и намерениями. Причем такой безутешный финал балладных песен сам по себе несет определенное противоречие: положительный герой, имеющий неординарные физические силы и способности, что немаловажно, непоколебимую моральную поддержку и, зачастую, фантастическую возможность превращения в растение, птицу, зверя, камень, тем не менее, откровенно бессилен перед нападками врага, становится жертвой целенаправленных, настойчивых, но, по сути, довольно примитивных

планов и действий противника. Очевидно, что беспросветный трагизм судьбы героев баллад был продиктован реалиями сложной и противоречивой жизни в условиях несправедливого социального устройства.

Актом самопожертвования во имя справедливости, истинности чувств и поступков выделяется широко бытовавшая у белорусов в многочисленных вариантах вдохновенно-трагическая песнь о Бондаровне. Себялюбивому пану не удастся завлечь ее богатыми посулами, лестью, сломить непреклонный характер прямыми угрозами. Убийство Бондаровны напоминает заурядную охоту пана в своих угодьях: он сам себе власть и потому поступает как ему заблагорассудится:

*Ой, гуляла дзяўчыначка,
Стала уцякаці,
А за ёю пан Камінскі
Руж'ё набіваці.
Як даў жа ён дзяўчыцы
У левае вуха,
Ой, упала дзяўчыначка
А і нема і глуха [12, 179-180].*

Фольклорные тексты на религиозные сюжеты и образы также воплотили в себе выработанные традиционной народной культурой стереотипные способы видения и оценки мира. Важнейший композиционный прием в духовных стихах – противопоставление. В этих самобытных устно-поэтических произведениях все построено на свойственной «классической ментальности» антитезе контрастных образов, воплощающих силы Добра и Зла.

Анализ взаимодействия белорусских духовных стихов с лиро-эпическим творчеством русского и украинского народов указывает на сходство ментальных установок создателей фольклорных произведений и общность их исторических судеб. Православие содействовало унификации форм общественной и духовной жизни древнерусской народности, что позднее обусловило элементы сходства эпического устно-поэтического творчества с религиозной сюжетикой белорусского, русского и украинского народов.

В соответствии с религиозными установлениями, в духовных стихах отражена «прозападная» идея одноразовости и однонаправленности мирового историко-культурного процесса, подчеркивающая центральную священную роль прихода Спасителя (на Востоке господствует идея вечного повторения, постоянного воспроизведения традиционной формы).

Однако в целом генерализованные черты мироведения в духовных стихах («Голубиная книга»; стихи на старозаветные и евангельские темы; стихи о святых и великомучениках; стихи о праведниках и грешниках и др.) тяготеют к так называемой восточной ментальности, пронизанной идеалами духовно ориентированного бытия, братской любви и самопожертвования во благо общего дела. В духовных стихах восточных славян последовательно проводится мысль о том, что человек нуждается в Божественном знании,

Истине, которой он мог бы служить, подчинив ей свои устремления и поступки. Эта ментальная установка коренным образом отличается от западного практицизма, согласно которому человек нуждается лишь в таких истинах, которые служат ему.

Западный антропоцентризм подразумевает постановку в центр мироздания человека в силу его совершенства и доминирования на земле: все сущее должно подчиниться интересам и воле человека. Согласно духовным стихам, в основе мироздания – воля Всевышнего. Пребывая на земле, человек обязан научиться распознавать волю Создателя: только добровольно подчиняясь ей, человек может преодолеть конечность своего бытия. Так как это может быть достигнуто не иначе как через изменение человеком своей природы, духовное совершенствование и аскетизм, то в результате общих устремлений происходит и совершенствование общества.

Следует признать, что, в сравнении с богословской литературой, в духовных стихах проблемы первооснов мироздания и его строения отходят на второй план – в этой связи «Голубиную книгу» можно считать исключением на общем фоне песенного народного творчества восточных славян на религиозные темы. Вместо проблем космологии на первый план в духовных стихах выдвигаются мировоззренческие проблемы идеала, смысла жизни и счастья. При этом бытийное призвание человека, его поведение и трудовая деятельность рассматриваются с точки зрения их направленности на общее благо: семьи, коллектива (крестьянской общины), общества в целом.

Если западная антропоцентрическая матрица ориентирована на будущее, то представленная в духовных стихах мотивация поведения ориентирована прежде всего на вечность: важнейшее значение уделяется путям достижения Спасения в лучшем, Небесном мире, в связи чем утверждается превосходство духовного над телесным, доходящее до признания абсолютной незначимости последнего.

В белорусских духовных стихах, по сравнению с русскими и украинскими, наблюдается перемещение акцентов с чувств нетерпимости и борьбы с иноверцами и грешниками к качествам смирения и долготерпения как основы всякого христианского подвига: не случайно любимым персонажем фольклорных произведений белорусов является бедный Лазарь. Как отмечал еще Е. Р. Романов, «Лазарь убогий» широко распространен в Белоруссии; его поют не только старцы *ex-officio*, но и все угнетенные и оскорбленные; кажется, белорус не прочь в убогом Лазаре видеть самого себя» [10, 356]. Проповедуемый во многих фольклорных произведениях принцип «непротивления злу» связан с особенностями белорусского этнического образа с его упованиями на лучшее будущее, надеждами на то, что все образуется в перспективе. Данная ментальная характеристика пронизана определенным конформизмом, высокой адаптивностью к обстоятельствам и жизненным невзгодам.

Нельзя также не отметить сложность и противоречивость духовных

стихов с точки зрения отражения в них подлинно религиозных представлений. Анализ содержания многих фольклорных текстов показывает, что народные массы по-своему перерабатывали каноны православия, приближая их к своим дохристианским верованиям. Та же «Голубиная книга» вмещает сведения о дьяволе как втором миротворящем существе, что частично объясняет те несправедливости, которые творятся на земле. В духовных стихах, как и в христианских легендах восточных славян, Бог наделяется приземленными человеческими качествами.

Справедливыми являются следующие наблюдения Ф. М. Селиванова о противоречивости идейно-художественного содержания духовных стихов: «Как и весь фольклор, духовные стихи внутренне противоречивы. С одной стороны, отражение народного суеверия, примитивных народных представлений (например, о земле, лежащей на семи китах), а с другой – выход на основополагающие нравственные ценности, на создание величественного образа мироздания (пусть не «научного»); познание мира только через откровение (божественные книги, видения, сны), но само откровение становится еретическим, превращается в художественное обобщение познаваемого и предполагаемого в реальном жизненном опыте» [11, 24].

Духовные стихи как поэзия милосердия и надежды на справедливость Божьего суда может совмещать в себе протест против социальной несправедливости (особенно в требующих специального изучения старообрядческих и сектантских стихах). В таких стихах отсутствует свойственная канонам веры ориентация духовной матрицы на изменение самого человека как части мира и высшей духовной субстанции в соответствии с первоначальным Божественным замыслом: многовековую практику ожидания результатов обрядовых действий оживляет событийная мотивация действительности, намерения и решимость скорейшей реализации надежд и чаяний народов.

Вместе с тем, в духовной культуре белорусского и украинского народов бытовали устно-поэтические произведения на христианские темы, которые связаны с западной традицией как по стилистическим свойствам, так и по заложенным в них ментальным установкам. Канты и псалмы являются свидетельством усиления процесса интернационализации духовной культуры Беларуси и Украины эпохи Возрождения и Реформации, так как несут в себе элементы внецерковной песенной культуры, свойственные гуситским гимнам, лютеранским и кальвинистским хоралам. Однако широко известные в Центральной и Западной Европе вокально-хоровая песня-гимн (кант) и псалмы приобретают на землях Беларуси и Украины ярко выраженные национальные черты благодаря бытованию в первую очередь не в городской, а в крестьянской среде и воздействию со стороны песенного народного творчества.

Отличие от эпических жанров фольклора, уже в лиро-эпическом и лирическом песенном творчестве восточных славян XIX века профанное преодолевает сакральное; особую роль начинают играть социально-бытовые

песни в плане психологического показа действительности и отражения ментальных предпочтений, идейно-художественных взглядов и ценностей Нового времени.

Во многих внеобрядовых песнях ярко представлены ментальные характеристики наших народов – ориентация на коллективность (и соответствующие качества – гостеприимство, взаимопомощь, щедрость, открытость и доверчивость), а также на духовные ценности – стремление к справедливости, широта души, поиск абсолютной истины.

Как показал анализ внеобрядовых песен восточных славян XIX века, на ментальном уровне основополагающий конфликт между Добром и Злом локализуется внутри общества. Пронизанные духом противления обществу злу, социально-бытовые песни эволюционируют во внеобрядовой поэзии, сохраняя традиционные выразительные средства поэтической семантики и синтаксиса – метафоры, эпитеты, символы, психологические параллелизмы, повторы, уменьшительно-ласкательные обращения и т. д. Уже в казацких, рекрутских и солдатских, отчасти чумацких песнях традиционные приемы и средства служат эмоциональному показу душевного состояния человека и его неудовлетворенности существующими порядками. Если для баллад, заканчивающихся, как правило, гибелью положительного героя, основным мотивом является осуждение зла и насилия, то в казацких песнях – прославление героя как символа желаемой «вольнушки», для чего используется образно-символическая идеализация, гиперболизация, поэтизация обстановки проводов в освободительный поход, мифологизация гибели и олицетворение явлений природы во время смерти и похорон.

Бурная активизация внутреннего развития антикрепостнических песен приводит к композиционному противопоставлению образов крестьян и помещиков, принимающему жесткий характер в связи с коренным различием их социального положения. Обобщенные образы Горя и Доли рисуют широкую картину жизни народа, его быта и напряженного труда, драматических исканий выхода из тупика крепостничества.

Батрацкие и бурлацкие песни проникнуты отчаянием несбывшихся надежд, которые связывались с отменой крепостного права. Яркие метафоры и сравнения традиционной поэзии уступают место детализированному описанию нелегкого труда и быта батраков, редкие образные параллелизмы страдают однообразием грусти и уныния. Батрацкие песни и еще в большей степени частушки находятся под влиянием литературного творчества, городской культуры и лексики и главное – идей общественного популизма, которые вытесняют традиционные ментальные структуры.

Социально-бытовые частушки, как и все народное творчество второй половины XIX – начала XX веков, подпадают под сильное влияние литературного процесса. Над символами, чувствами, самобытными поэтическими средствами довлеет прагматическая логика индивидуального стихосложения. По подсчетам А. В. Кулагиной, основное место в поэтической

системе русских частушек занимает образ человека и только на шестом, последнем, месте – Космос и сверхъестественные силы. Схему эволюции поэтических образов частушки А. В. Кулагина выстраивает «с учетом наблюдаемого постепенного вытеснения образов растительного мира, явлений природы предметами и явлениями быта и культуры и интенсификацией выделения образа человека, т. е. от параллелизма к сравнению, а затем – метафоре и метонимии» [5, 265].

Тексты многих рабочих и революционных песен демонстрируют нарастание процесса маргинализации ментальных структур и обыденного сознания при переходе значительных масс населения из традиционной крестьянской среды в городскую. Социальная направленность эмоционально-прочувствованных устно-поэтических произведений, обращенная к každодневным чувствам и проблемам Человека, постепенно уступает место конкретике политических целей и задач.

Займованное из литературы силлабо-тоническое стихосложение, определенная размытость композиции со стихией внутреннего развития сюжета, отсутствие ярких символов и образов, книжная лексика – все это знаменует отход от художественных традиций и ментальных установок традиционной народной поэзии. Дальнейшее развитие получает тенденция на неприкрытый реализм, такой показ фактов и жизненной практики, при котором изобразительная сторона произведения (напоминающая фрагментарную повествовательность) превалирует над выразительной. Контаминация скоротечных мотивов ведет к маломотивированным действиям и поступкам персонажей. В белорусской песне «Салавей мой сізакрылы...» за едва наметившимся лиризмом обращения-просьбы девушки к птице (« – Салавей мой сізакрылы, // Скажы праду, дзе мой мілы?») следует невыразительный рассказ о тяготах труда и хозяйском произволе:

*А твой мілы ходзіць на работах
Па сахарных заводах.
А ён робіць, робіць, рабатае,
А пот ліцо яму залівае,
А хазяін шчэ яго ругае:
– Чаму ты дзелачка не робіш?*

Следующая вслед за этим хроника протеста-крушения отнюдь неадекватна предыдущему описанию несчастий:

*Як паехаў хазяін дадому,
Нарабілі хлопцы лому,
Паламалі ўсю цэрку і прасову,
Пашла пара на ўсяму заводу,
Пашла слава па ўсяму народу... [8, 131].*

В произведениях анонимных авторов борьба за счастье униженных и оскорбленных переходит в стихию лозунгов и порывов, превращая персонажи в массу, а их поступки – в беспощадное иступление. В этом – существенное

различие с мировоззренческой позицией и ментальными установками крестьянской среды, закреплённой в высокохудожественных устно-поэтических произведениях: для крестьянина-труженика социальная борьба не скоропалительное разрушение, а кропотливое созидание равноправия, справедливости, добра, в том числе с помощью совершенствования культурной среды, опирающейся на достижения предшествующих поколений. При рассмотрении целых пластов традиционного песенного творчества В. Я. Пропп справедливо отмечал, что в них «мы тщетно будем искать картины крестьянских бунтов и восстаний» [9, 109].

Еще одним немаловажным отличием песен рабочих от традиционной поэзии является стирание национальной специфики. Эффект своеобразной интернационализации песни, нередко подразумевающий ее кочевой характер, стремление к общедоступности (граничащей с упрощенностью) заложенных в песне идей приводит к неминемому обеднению песенного жанра, утрате его национального колорита.

В песне, оторванной от национальных корней, возможна абсолютизация всеобщей идеи, всеобщей ненависти и всеобщей радости. В солдатских частушках-откликах на революционные события теряется напряженная работа поэтической мысли народа, ее заменяет исходящее из ментальной установки на «очистительную силу» социальных эксцессов безудержная стихия упоения благами, ниспосланными историческими обстоятельствами:

*Усе паны баяцца краху,
Разб'ягаюцца са страху.
Уцякаюць, барыня,
Каб хутчэй, сударыня!*

*А мы слёз не будзем ліць,
Землю іх давай дзяліць.
Ой, як добра, барыня,
Добра як, сударыня!*

*Вот якія ў нас дзяла –
Рэвалюцыя прышла.
Ой, як добра, барыня,
Добра як, сударыня! [1]*

Анализ фольклорных текстов показывает, что в периоды стабильного существования общества структурами ментальности обеспечивается накопление социокультурного опыта и его преемственность. В моменты или периоды кризисного состояния наблюдается деструкция ментальности, пришедшей в столкновение с опережающими ее трансформацию социокультурными ситуациями или изменениями.

Подвижность, изменчивость и противоречивость тактик приспособления к миру особенно наглядно проявляется в фольклоре XX столетия, идейно-художественное содержание которого сводит сложный и неоднозначный (многомерный) окружающий мир к упрощенной схеме. Начинает доминировать ментальная установка, в соответствии с которой не человек должен приспосабливаться к окружающему миру, а социальные порядки и природа должны изменяться сообразно воле и интересам широких масс населения. В процессе сведения для большинства людей утрачивалась многомерность движения окружающего природного и социального мира.

Фольклору любого народа присущи гносеологическая (познавательная) и мировоззренческая функции: в многовековом процессе устно-поэтического творчества люди в особой, художественной, манере воплощают сформированную массовым сознанием культурную картину мира. Более того, воссоздаваемой по фольклорным источникам картине мира присуща большая полнота и социальная репрезентативность, нежели «картине мира», анализируемой по литературным источникам – «продуктам» элитарной субкультуры глобального, письменного типа культуры (идентифицируемого по способу информационной самоорганизации общества). Фольклор как традиционное устно-поэтическое творчество прежде всего ассоциируется с многовековой культуросозидающей деятельностью широких крестьянских масс.

При изучении культурной картины мира по фольклорным источникам наиболее ярко проявляется ее структурно-смысловая и образная конфигурации.

Основу выявляемой в фольклорных текстах структурно-смысловой конфигурации картины мира составляют стереотипные представления о человеке, природном и социальном мире, доминирующие в массовом сознании белорусов, русских и украинцев. Генерализованные черты мироведения в разнообразных видах и жанрах традиционного устно-поэтического творчества тяготеют к так называемой восточной ментальности, пронизанной идеалами духовно ориентированного бытия, братской любви и самопожертвования во благо общего дела. Однако светлые идеалы, как правило, носят утопический характер и не подкреплены практическими знаниями о путях и методах их достижения.

Основным принципом художественного «построения» образной конфигурации культурной картины мира выступает принцип «жизнеподобия».

В фольклорных сюжетах и образах получает фиксацию идея о божественном первоисточнике правил человеческого поведения и непосредственной обусловленности норм социального устройства более широкими (космологическими) порядками. Образная картина мира оказывается поделенной на две половины – мир священный (сакральный) и мир обыденный (профанный). Переход границы между мирами возможен в религиозных ритуалах и действиях, благодаря которым мифопоэтическое сознание и соответствующие ментальные структуры преодолевают разрыв сакрального и профанного.

Присутствующая в профанном мире социальная драма эпически показана как проявление высокой космологической драмы – столкновения мировых сил, воплощенных в образе Добра и Зла (а также в производных образах – Правды и Кривды, Света и Тьмы и т. д.). Защита Добра и его воплощений признается священной и нуждается в поддержке со стороны верховной власти. В произведениях внеобрядового фольклора органично связанные с массовыми религиозными воззрениями социально-утопичные представления базируются на идее идеальной крестьянской общины и образе мудрого правителя и (или) борца (царя, князя, пана, вождя, военачальника, былинного героя, *асілка* и т. п.) с силами зла и мрака. На ментальном уровне обретение духовности связывалось с самоограничением и непрактичностью: во имя исполнения общих высших целей и идеалов люди готовы были принять и оправдать любую, даже очень суровую повседневность.

Представленная в фольклорных произведениях образная мифопоэтическая картина мира являлась доминирующей интегрирующей идеологией в течение длительного периода социальной истории наших предков и одновременно – одной из автономных сфер массового сознания, выраженной в символической форме. Ориентация ментальных структур на коллективизм, духовные ценности и высшие идеалы усиливала архетипическую заданность образной картины мира. Вместе с тем, мы наблюдаем проникновение в тексты фольклорных произведений второй половины XIX-XX вв. идей и образов общественно-политического популизма: пронизанные духом классовой ненависти, многие частушки, рабочие и революционные песни будоражили общественное мнение, отвечая характеру лозунговой стихии разрушения существующего миропорядка. Образ отдельного человека теряется в беспощадной борьбе; за оптимизмом конечной цели свержения правящего режима редко проявляются яркие символы созидания.

Как и во многих текстах сказок, былин и исторических преданий, во внеобрядовой поэзии XIX века ярко представлена еще одна ментальная характеристика наших народов – ориентация на быстрое решение жизненно важных проблем, которая, с одной стороны, проявляется в жертвенности, умении собраться в экстремальной ситуации, героизме (ратном и трудовом), а с другой стороны – в удалстве, непрактичности и привычке к авралу. К сожалению, данная ориентация структур восточнославянской ментальности могла приводить к негативным последствиям, особенно при имеющимся разрыве между исповедуемыми идеалами и способами их достижения в земной жизни. Так, многие трагедии русского общества объясняются дуализмом и противоречивостью ментальных установок:

- извечной тягой к совершенству и острым ощущением своего несовершенства, вытекающего из несовершенства человеческой природы;
- сочетанием соборности (с элементами мессианского начала по отношению к другим народам) наряду с отсутствием взаимосвязанности в

жизнедеятельности трех архетипических сил общества – высшего руководства, «срединного класса» и широких народных масс;
– парадоксальной полюсарностью, как в сменяемости высших целей преобразования – «коммунистический» (начало XX века) и «капиталистический» рай (конец XX века), так и во вновь декларируемых высших целях и идеалах наряду с отказом от опыта и традиций, выработанных в предыдущий период социально-экономического и культурного развития.

Отступления от общечеловеческих принципов обустройства жизни, пренебрежение судьбами миллионов людей способствовало тому, что Россия, вступившая с конца XIX столетия в полосу непрерывной борьбы за счастье униженных и оскорбленных, абсолютизировала идею разрушения. Это привело к нагнетанию иступления общества, тоталитарному насилию над жизнью великой страны и населяющих ее народов, над экономикой и культурой.

Во втором десятилетии третьего тысячелетия, когда восточнославянская общность находится на коренном изломе, растет политическая непримиримость и противостояние, безверие в возможность изменений к лучшему, мы должны вспомнить и осознать запечатленную в традиционном песенном творчестве ментальную установку, которая заключается в созидании социального равноправия, справедливости, добра на гуманистических началах. Духовное достояние восточных славян – лучшие образцы песен, которые дают нам яркое представление о ценности и неповторимости жизни человека, его праве на защиту и действенный протест с позиций добра и справедливости, чести и равноправия, сострадания и милосердия.

История культуры восточнославянских народов – это история подъемов и срывов; на всем ее протяжении белорусский, русский и украинский народы демонстрировали как образцы самоотверженного служения, устремленности к высоким идеалам, так и трагедии глубоких падений, социальных и духовных потрясений. Деструктивное влияние на ментальность восточнославянских народов оказали периоды затяжных социально-политических кризисов XX века: «ментальную сплоченность» общества дезориентировали революционные изменения условий существования социального механизма. Кризисный менталитет отличается мозаичностью, ситуативностью, внутренней противоречивостью, актуализацией латентных ментальных структур, свойственных прошлым культурно-историческим эпохам, что наглядно проявилось во второй половине 80-х – 90-е годы XX века.

За футурологическими прогнозами и нашими извечными упованиями на лучшее будущее не стоит недооценивать явные и скрытые потенции накопленных ментальных структур восточнославянской общности. Происшедшая в последние десятилетия ментальная диффузия должна постепенно смениться перекомпановкой духовно-смысловых констант ментальности, актуализацией тех из них, которые во благо наших народов будут способствовать консолидации и улучшению морального климата. Важнейшим

фактором устойчивого развития является возрождение лучших традиций, накопленных как в дореволюционное время, так и в советский период. Только при эффективном применении опыта многовековой культуросозидательной деятельности белорусского, русского и украинского народов неотъемлемая часть духовной культуры восточных славян – политическая и правовая культура – сможет выработать новые ценности и традиции, которые станут достоянием всего человечества и альтернативой современному однополярному миру.

ЛІТЭРАТУРА

1. Архив Інстытута искусствоведения, этнографіі і фальклора ім. К. Крапівы Нацыянальнай акадэміі навук Беларусі. – Ф. 13. – Оп. 10. – Д. 2.
2. Беларускі эпас / склад.: С. І. Васілёнак, М. Я. Грынблаг, К. П. Кабачніца; пад. рэд. П. Ф. Глебкі і І. В. Гутарава. – Мінск: Выд-ва Акад. навук БССР, 1959.
3. Гацак, В. М. Уступная эпічная поэзія на вяршыні / В. М. Гацак. – М.: Наўка, 1989.
4. Кірдан, Б. П. Украінскі эпас / Б. П. Кірдан. – М.: Наўка, 1965.
5. Кулагіна, А. В. Поэтычскі свет частушкі / А. В. Кулагіна. – М.: Наўка, 2000.
6. Лихачев, Д. С. Поэтика древнерусской літаратуры / Д. С. Лихачев. – 3-е изд. – М.: Наўка, 1979.
7. Морозов, А. В. Історыя рускай фальклорістыкі, 1917-1941 / А. В. Морозов. – Мінск: Изд-во «Мірында», 1999.
8. Песні беларускага народа / склад.: М. Я. Грынблаг; пад. агульнай рэд. Н. М. Нікольскага і М. Я. Грынבלата; муз. рэд.: Е. В. Гітрус, З. В. Эвальд. – Т. 1 – Мінск: Выд-ва АН БССР, 1940.
9. Протт, В. Я. Фольклор і дзейнасць. Ізбраныя артыкулы / В. Я. Протт. – М.: Наўка, 1976.
10. Раманов, Е. Р. Беларускі зборнік. – Вып. V: Заговоры, апокрыфы і духоўныя вершы / Е. Р. Раманов. – Віцебск: Тіпо-літаграфія Г. А. Малкіна, 1891.
11. Селіванов, Ф. М. Народно-хрысціянская поэзія // Стыхі духоўныя / сост., вступ. ст., падг. тэкстаў і каммент. Ф. М. Селіванова. – М., 1991. – С. 5-25.
12. Шырма, Р. Беларускія народныя песні, загадкі і прыказкі / Р. Шырма. – Т. 1. – Мінск: Дзяржвыд. БССР, 1947.

Валянціна Новак

ЖНІўНАЯ АБРАДНАСЦЬ І ПАЭЗІЯ ГОМЕЛЬШЧЫНЫ

Структура жніўнай абраднасці, у якой арганічна пераплецены «асноўныя ідэі ўсяго земляробчага календара – пачатак і завяршэнне, завяршэнне і пачатак» [2, 222] і занатаваны працоўны вопыт чалавека, складаецца з некалькіх частак: зажынкі, уласна жніў і дажынкі. «Жыта, найважнейшая збожжавая культура беларусаў, значна міфалагізаваная ў народнай свядомасці. ... Жыта раўназначна багаццю, раю, назва «рай» захавалася ў абрадзе дажынак і абрадавых зажыначных песнях» [1, 175].